

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос=Тат)

DOI: 10.31862/1819-463X-2020-6-20-30

ОБРАЗ КАЗАНИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОГО ТЕКСТА

Р. Р. Валиуллина

Аннотация. *Статья посвящена анализу степени изученности казанских символов и мифологем в научных исследованиях и презентации этих образов в художественной литературе. В статье рассматривается образ Казани в произведениях русских, татарских, а также особого пласта – русскоязычных писателей Казани. Подобная литература «пограничья» может формировать городской сверхтекст. Проведен историко-литературный обзор работ, посвященных образу Казани, и системы контекстов (исторический, мифологический, ландшафтный и т. д.). Рассмотрены произведения, имеющие упоминание о Казани и представляющие образ Казани, национальные символы. Определены принципы выявления сверхтекста: структурно-семиотический метод и контекстный подход позволяют систематизировать и классифицировать все упоминания о Казани в рамках каталога мотивов и образов. Выявлена главная характеристика Казани как особого толерантного семантического пространства.*

Ключевые слова: *Казань, город, сверхтекст, национальные образы, структурно-семиотический метод, контексты.*

IMAGE OF KAZAN IN THE CONTEXT OF THE CITY TEXT PROBLEM

R. R. Valiullina

Abstract. *The article analyzes the extent to which Kazan symbols and mythology are studied in scientific research and the presentation of these images in fiction literature. The article deals with the image of Kazan in the works of Russian, Tatar, and a special layer – Russian writers of Kazan. Such literature „frontier” can form an urban super-text. A historical and literary review of works devoted to the image of Kazan, and the system of contexts (historical, mythological, landscape, etc.) has been done. The works that have a mention of Kazan and represent the image of Kazan and national symbols are considered. The principles of super-text detection are defined: structural-semiotic method and context-*

© Валиуллина Р. Р., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

tual approach allow systematizing and classifying all mentions of Kazan within the catalog of motifs and images. The main characteristic of Kazan as a special tolerant semantic space has been revealed.

Keywords: *Kazan, city, super-text, national images, Structural and Semiotic Method, contexts.*

Изучение городского текста является важной проблемой современного литературоведения, так как в общекультурном поле регионального сверхтекста происходит формирование современной национальной идентичности. В отечественном литературоведении интерес к городским текстам возник более 80 лет назад, когда были опубликованы работы Н. П. Анциферова о литературных образах Петербурга. В 1984 г. состоялся выпуск «Трудов по знаковым системам», включавших в себя концептуальные для изучения городских текстов статьи Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова. В России урбанистические исследования в значительной степени обязаны трудам тартуско-московской семиотической школы и масштабному проекту питерских ученых «Метафизика Петербурга» (реализация проекта началась с 1992 г.). В начале нового столетия центры изучения городской культуры возникли в Воронеже, Саратове, Новосибирске, на Украине и в Казахстане» [1, с. 32].

Город Казань – столица Республики Татарстан – имеет долгую и давнюю историю упоминания и выписывания его облика в произведениях художественной литературы разных народов и эпох. Данная тема нашла свое воплощение на страницах многочисленных краеведческих изданий и художественных альбомов. Среди наиболее близких к филологии изданий следует упомянуть сборник «Казань в художественной литературе» (составители В. В. Аристов, А. Г. Каримуллин, В. А. Климентовский) [2, с. 5]. Собранные в указанных изданиях фрагменты произведений, осколочные текстовые образования позволяют говорить о художественном облике города Казани в творчестве писателей и в русской и татарской литературах в целом как устойчивом идей-

но-художественном лейтмотиве, поднимающемся до статуса собирательного образа.

Лингвисты рассматривают различные аспекты концепта «Казань», культурологи анализируют многонациональные, полиэтнические и поликонфессиональные проявления духовной жизни обитающего в Казани социума. Для всех этих исследований характерно описание Казани как особого толерантного семантического пространства. Наиболее значимо данный подход проявился в статье известного специалиста в области региональных сверхтекстов Э. Ф. Шафранской «Мифология Казани в прозе А. Хаирова», где она обозначила проблему «тиражирования сигнатур города (в том числе и мифологических) всеми пишущими о Казани» [3, с. 96]. Термин *сигнатура* введен в научный оборот литературоведом Т. В. Цивьян: это некий «минимальный набор признаков», которые «тиражировались в бесчисленных словесных и несловесных, художественных и нехудожественных текстах» [4, с. 334]. В статье рассмотрено творчество современного казанского писателя Аделя Хаирова. В трех произведениях – «Казань – Курочки», «Одна улица на двоих», «Буфет Йозефа» – представлена мифология казанского текста русской культуры (под мифологией локального текста автор понимает тиражирование сигнатур города всеми пишущими о Казани). Именно такой видится литературная миссия современного писателя Аделя Хаирова. Его проза продолжает развивать существующий в русской культуре прецедент казанского текста – воплощать мифологию города, рефлексируя в контексте хрестоматийных казанских сюжетов как из художественных произведений, так и из биографий прославленных писателей.

Образ Казани у Хаирова, с одной стороны, традиционно вписан в ориенталистский

дискурс, с другой – он, скорее, резонирует с послесаидовским посториенталистским дискурсом, выраженным в интенциях Хаирова, что находит теоретическое подтверждение в современных концепциях ориентализма [5, с. 12]. Эдвард Саид, один из зачинателей развенчания ориентализма, указывавший на отсутствие в нем гуманистической сущности, говорит о посториенталистских культурных формах и создаваемых ими структурах чувства [6, с. 52], о постколониальной деформации, отраженной в людских умах в виде деформированных идей [6, с. 54].

Указанный структурно-семиотический подход позволяет систематизировать и классифицировать упоминания о Казани в рамках каталога мотивов и образов, выявить их парадигматические (вертикальные) и горизонтальные (межтекстовые) связи, что является основной целью данной статьи. Методология и научный инструментарий этого научного направления были разработаны В. Топоровым и Ю. Лотманом в трудах о Петербургском тексте. Позднее они были развиты и дополнены в работах Н. Е. Меднис, А. П. Люсого, Э. Ф. Шафранской, Э. Ш. Галимовой и других ученых. Созданный данными учеными инструментарий геоэтики мы используем для реализации исследовательской задачи – анализа и систематизации различных описаний Казани в художественной литературе.

Степень изученности данной темы крайне невелика. Помимо упомянутой выше статьи Э. Ф. Шафранской следует выделить статью Г. И. Зайнуллиной «Программирующая мощь казанского текста» [7]. В ней автор описывает семантическое пространство казанского мифа как оппозицию двух сакральных локусов, существующих в метатекстах соответственно русской и татарской культур. В поисках символических структур Казани Г. Зайнуллина выделяет верхнюю и нижнюю части города и представляет несколько семантических маркеров как составляющих элементов казанского словаря. Во-первых, это слова-эндемики как последствия двуязычия, во-вторых, маркеры ориентального экзотизма, затем мусульманские клише речево-

го общения (благопожелания и соболезнования), в-четвертых, особый русско-татарский человеческий состав этого города [7, с. 217]. Г. Зайнуллина более детально расшифровывает указанные компоненты городского текста Казани и отмечает татарские глоссы и интерференции, каламбурную этимологию татарских топонимов, экзотические артефакты и национальную кухню [7].

Также нам представляется важным использовать теоретические наработки Э. Галимовой из ее статьи о северном тексте русской культуры, где она выделяет три принципа регионального текста: единство природного и культурного; единство прошлого и настоящего; единство бытового и сакрального. Слитые воедино, они генерируют этнокультурный ландшафт, сакральную географию, религиозно-теософские мифологемы. Исходя из этих принципов, городской текст или, точнее, его художественный мир представлен следующими составляющими. Во-первых, это пространственно-временная организация, где художественное время предстает как единство прошлого, настоящего и будущего в образе «застывшего времени», а сакральный характер пространства проявляется в его мифологической сказочной природе; во-вторых, системы лейтмотивов, организующих этапы инициации персонажей (поиск, испытание, преобразование); в-третьих, сквозные образы – архетипические, мифопоэтические, фольклорные [8].

Более детально эти вопросы представлены в рабочей учебной программе по городскому тексту Казани доцента КФУ Л. И. Бушканец «Казанский текст в русской литературе» [9]. Автор выделяет следующие тематические блоки образа Казани в структуре казанского текста: столица и провинция; университет; архитектура – основные архитектурные точки города в культурном сознании; восточное начало города – Казань как город на стыке Востока и Запада; театр и формирование культуры казанского зрителя; казанская периодическая печать; казанский период в жизни писателей; визиты в Казань известных писателей; Казань в произведениях русских писателей XIX–XX вв.; казанские русские

писатели и их роль в формировании структуры казанского текста русской культуры [9].

Как нам кажется, и как это ни парадоксально звучит относительно города в центре Евразии, к Казани применима и такая составляющая крымского текста, как оппозиция островного и акватического, выявленная А. П. Люсым [10]. Исследователь пишет о том, что в основе крымского текста лежат лирические сюжеты, основанные на мифологическом архетипе странничества, путешествия, спроецированного на литературу романтизма с ее «морским текстом», поэтизацией приключений. Морской текст воссоздает книжный код в творчестве писателей, где главным конфликтом становится столкновение двух сфер – мечты и реальности, водных пространств и земного острова. Лирический герой не может принять реальность, и его главной целью становится устремленность в мечту, где бытие устроено по обычаям и законам авантюрно-приключенческого жанра (А. Грин, М. Цветаева). Составляющие «крымского текста» – природа и культура, визуальное и акустическое, островное и акватическое, звук, цвет, аромат, образы, символы, мифологемы и архетипы. Крым как особый локус, вбирающий в себя все его составляющие природы и культуры, обладает мифогенностью. В основе «крымского текста» – миф о Тавриде, это его ядро, вокруг которого начинает кристаллизоваться особый подтекст. Похожее структурирование корпуса петербургских мифов вокруг мифологемы медного всадника, оживающего во время наводнения, – символа демиурга и *Genius loci* Санкт-Петербурга, обнаружил Топоров. Именно эту черту Казани позиционировала советская мифология, опираясь на визуальную и архитектурно-эстетическую составляющие образа Казани. Например, искренние слова известного татарского писателя Г. Ахунова: «Казань мы встречали на палубе. Мы смотрели на просвеченную солнцем воду – и дивились великому чуду природы. Ощущение было такое, словно город, близкий, родной, наверное, тысячу раз исхоженный из конца в конец, смотрит на нас из прозрачной глубины. Прямо в

воде отчетливо видны контуры башни Сююмбике, темные шапки парков и садов, автобусы, трамваи, спешащие люди. А над всем этим, как голос давних эпох, как символ сегодняшней жизни, кремль – светлый, из белого звонкого камня» [2].

В похожем ключе высказался и татарский писатель и журналист М. Зарипов: «На город можно смотреть по-разному. Сверху будет не хватать непосредственной близости восприятия. Пересечение пешком заслонит широту обзора. Полнее всего раскрывается город, если смотреть на него с реки. Город – огромный и близкий – смотрит из прозрачной голубизны и приветствует окнами современных высотных зданий, острыми минаретами старых мечетей, маковками соборов, белокаменным кремлем. Неповторимы силуэты Казани. Тремя причудливыми террасами спускается город к берегу Волги, что создает особое своеобразие и живописность» [11, с. 4]. Кстати, именно на это обратил внимание и А. И. Герцен: «Везде вы видите большой город, исполненный жизни, центральный для своего края, торговый и, что всего важнее, город двуначальный: европейско-азиатский. Вид прелестный: в этом виде что-то пошире той природы, к которой мы привыкли» [12]. Наиболее емко эту мифологему выразил художник Н. У. Альмеев, изобразив Казань в виде корабля из культурных кодов разных народов под солнечно-лунными парусами, которыми управляет вдохновение юной татарской девушки. Именно эту символическую составляющую Казани воплотил в стихотворении «Арфа» русский поэт с татарскими корнями Г. Р. Державин:

Когда я освещусь опять твоей зарей
И твой по-прежнему всегдашний буду житель?
По Волге между сел на парусах лететь
И гробы обнимать родителей священны?
Звучи, о арфа! ты все о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен
[13, с. 370].

Говоря о данных синтетических образах города, исследователь Г. Зайнуллина

пишет: «Стоит лишь осознанно отнестись к месту собственной жизни, как непременно возникает стремление искать формулы Казани и размышлять о Казанской идее» [7, с. 218]. Мы взяли для исследования корпус наиболее известных и знаковых произведений писателей, где есть фрагменты о Казани, и попытались выявить в них символические образы и мифологемы. Исследуя образ Казани, прежде всего, нужно определиться с целевой аудиторией, в рамках которой создавались произведения об этом городе. Необходимо отделить метатексты русской и тюркской культур как оппозицию разных подходов к освещению казанской проблематики. Также необходимо выделить слой русскоязычных писателей: этнических татар, пишущих на русском языке. Исследователь Э. Ф. Шафранская обозначила это явление как иноэтнокультурный текст русской литературы XX–XXI вв. Для ареала татарской культуры наиболее значимы и сакральны мифологические составляющие образа Казани. Это миф о Чура-батыре, герое-богатыре, который на Зилантовой горе сражался с полчищами змей и сумел догнать главного змея только в 40 верстах от горы, где и возникла первая Казань – Иске (Эчке), или Старая Казань, недалеко от города Арска. Змеиные мотивы имеют корни в Булгарском государстве и также связаны с озером Кабан в центре города. Мотив изгнания огненного змея из казанской башни представлен в русской и польской иконографии [3].

В художественной литературе булгарского и золотоордынского периодов Казань представлена как столичный город и символ татарской государственности. После завоевания города войсками Ивана Грозного в татарской литературе Казань продолжает осмысливаться в образе утраченной столицы. Упоминание о Казани мы находим в творчестве поэта XIX в. Гали Чоккрыя. В 1883 г. создан сборник стихов о Казани «Мәдхе Казан» («Хвала Казани»).

В стихотворении «Ода Родине» поэт называет Казань столицей Булгар. Чоккрый говорит также о религиозном многообразии

в городе, резко отмечая мусульмов и другие религии:

Живут везде: что град, что весь.
Мусульмов и неверных смесь — [14].

Для нас же важно отметить многоконфессиональность Казани периода второй половины XIX в. Особенность города, его необычность и отличие от других городов подтверждается следующими строками:

О булгарах пишу я стих,
В Уфе, Самаре много их.
Ну, а Казань среди других
Светлейший град в стране Булгар! [14]

Татарские писатели начала XX в. также проявляют неподдельный интерес к Казани, к образу «Татарской Мекки». Одним из первых, кто воссоздал поэтический образ Казани, был Г. Тукай. Казань была для поэта центром просвещения и культуры. Годы, проведенные в Казани, стали временем расцвета его творчества. Например, в ранней лирике классика татарской литературы поставлены важные и актуальные для того времени вопросы (просвещение народа, прогресс нации и др.). Знание нужд и потребностей народа, активное изучение жизни явились одним из решающих факторов в его становлении как «поэта действительности». Просветительское миропонимание характерно для творчества Г. Тукая. В работе «Национальная идентичность и теория автора» М. И. Ибрагимов говорит о субъектной организации стихотворения Тукая «Казань и Заказанье». Автор в работе определяет формы выражения авторского сознания в сборнике стихотворений Г. Тукая «Пища души». Так, например, в стихотворении «Казань и Заказанье» автор с лирическим героем – поборник просвещения, противник низведения веры до показушной обрядовости:

Оглянись, Казань, получше, погляди разок
окирест:
Все уезды осветила, лишь забыла свой уезд!
Говорят: «Хоть светит лампа, но под ней самой
темно»,
Оправдалась поговорка, черт бы взял ее
давно! [15, с. 143]

Автор обращается к городу, сравнивая его с маяком, который освещает путь. У автора к этому городу противоречивые чувства. Стихотворение композиционно можно поделить на две части. В первой части автор воспекает Казань, называя ее гордым городом, озаряющим путь другим городам. Во второй части автор говорит о тех, кто лишь наживает на развивающемся городе, кто не стремится к просвещению.

Казань также представлена в творчестве татарского и башкирского поэта Мажи-та Гафури. В стихотворении «Сөембикә манарасы» – Минарет Сююмбике – нашло отражение сожаление поэта о былом величии Казани и утрате государства. При этом поэт отмечает, что Казань – это надежда всего тюркского народа.

В творчестве видного татарского писателя Аяза Гилязова Казань показана как крупный культурно-образовательный центр татарской нации. М. М. Хабутдинова – исследователь творчества Гилязова – рассматривает топосы Казани в творчестве Аяза Гилязова. Одним из самых значимых топосов является Черное озеро. Посредством образа Черного озера, рядом с которым была тюрьма, формируется образ города-тюрьмы, пространства несвободы. В творчестве Аяза Гилязова акцентируется образ Казани как столичного города, который живет по своим законам и имеет разрушительное влияние на людей [16, с. 136].

В поле русской культуры все эти са-кральные для татар факторы стали элементами местной экзотики и осмысливаются в рамках ориентального дискурса: «Казань в русской картине мира имеет статус окна на Восток, прорубленного в 1552 г. Город присутствует в русских фольклорных и литературных текстах, в биографиях писателей, в былинах и исторических песнях, в титуле российского императора» [3]. С одной стороны, для русской литературы была типична ностальгическая репрезентация Казани как провинциального города, малой родины, где прошли лучшие годы детства и юности: например, у Г. Р. Державина в стихотворении «Арфа», где лирический герой обща-

ется со своей арфой, называя ее подругой муз:

Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!
О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!

[13, с. 370]

Однако было и альтернативное понимание значимости Казани как места встречи двух миров. Об этом написал А. И. Герцен в «Письме из провинции»: «Казань, главное место, средоточие губерний, примыкающих к ней с юго-востока: они получают через нее просвещение, обычаи и моды. И потому в ней два начала: западное и восточное, и вы их встретите на каждом перекрестке; здесь они от непрерывного действия друг на друга сжались, сдружились, начали составлять нечто самобытное по характеру. Далее, на восток, слабеет начало европейское, далее на запад мертвеет восточное начало. Ежели России назначено, как провидел Великий Петр, перенести запад в Азию и ознакомить Европу с востоком, то нет сомнения, что Казань – главный караван-сарай на пути идей европейских в Азию и характера азиатского в Европу» [17]. Именно такой самобытный подход представлен в творчестве русскоязычных писателей, главной чертой творчества которых является западно-восточная и русско-татарская двойственность. Вот как об этом пишет М. В. Небольсина: «Татарская и русская литературы в Татарстане сосуществуют как две параллельные прямые. Близкие, родственные, но не пересекающиеся. Многочисленные переводы с языка на язык, безусловно, сближают их. Но не сплачивают». Каждая из литератур развивается по своему. Особый пласт составляют так называемые русскоязычные писатели. «Не случайно возник и новый термин “русскоязычная литература”, ибо после 1917 г. советская литература стала носить не только национально-специфический, но и “пограничный” характер, когда “писатель мыслит в

координатах одной национальной культуры, но на языке, в речевых формах другой национальной культуры» [18, с. 2].

В Казани в 2013 г. М. В. Небольсиной и Р. Р. Сабировым был выпущен первый и пока единственный сборник «Когда вернусь в казанские снега...» (Антология русской прозы Татарстана XX–XXI вв.). Это большой сборник уникальных произведений, которые не вписываются в рамки ни татарской, ни русской литературы. Для многих авторов Казань – родной город, центр культуры и город, в котором они получили образование. В их произведениях мы наблюдаем национальные образы. Строится определенный образ Казани, миф о Казани. М. Г. Небольсина пишет: «Русскоязычных авторов условно можно разделить на три категории: те, кто, творя по-русски, считает себя, тем не менее, ветвью именно татарской литературы: это Равиль Бухарев, Рустем Кутуй, Рафаэль Мустафин; те, кто, идентифицируя себя как русских писателей, тяготеет в той или иной степени к национальным истокам: это Лилия Газизова, Рустем Сабиров, Салават Юзеев; и те, наконец, кто, будучи татарами по крови, отчетливо отнесли себя именно к русской литературе вне всякой национальной привязки – Руслан Галимов, Диас Валеев» [18, с. 3]. Исследователь В. Р. Аминова рассматривает русскоязычную литературу в аспекте транскультурной модели художественного развития. Подобная литература «пограничья» может формировать казанский сверхтекст [19, с. 12].

К числу авторов, создавших неповторимый облик Казани, относится Рустем Кутуй. Его лирический герой, по мнению М. Г. Небольсиной, выступает как человек пограничья, ему равно близки и дороги ценности русской и татарской культур [20, с. 6]. Подробное рассмотрение указанной проблематики является предметом нашего монографического и диссертационного исследования, поэтому в ограниченных рамках научной статьи мы вынуждены только перечислить знаковые моменты затронутых вопросов.

О Казани писали А. Радищев в путевых заметках, А. Пушкин в «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке». В этот перечень входят «Воспоминания» С. Аксакова, «После бала» Л. Толстого, «Дневники» Т. Шевченко, «Мои университеты», «Коновалов», «Хозяин» М. Горького, «Страницы из моей жизни» Ф. Шаляпина, «Емельян Пугачев» В. Шишкова. Главной чертой этих текстов является осознание Казани как важной части отечественной истории и в то же время описание города в духе критического реализма XIX в. с опорой на географические достопримечательности города. Герценовский мотив евроазиатства также превращается в устойчивую мифологему русской литературы, посвященной Казани. Оппозиция верхнего и нижнего города, возвышенности с каменными домами, храмами и заболоченной низины с деревянными лачугами становится общим местом общекультурной казанской топики.

Советский период, представленный произведениями Д. Бедного «Привет», В. Фигнер «Запечатленный труд», А. Толстого «Гадюка», В. Вишневского «Волжские битвы», В. Маяковского «Казань», «Три сестры», «По городам союза», Е. Евтушенко «Казанский университет», добавил новые мифологемы в осмысление оппозиции центр-периферия. Коммунистические ритуалы поднимают Казань до уровня столиц национальных республик и осмысливают европейские столицы в качестве мировых провинций:

Народы, жившие вьямься в нужду,
Притершись Уралу ко льду,
Ворвались в дверь, идя на штурм,
На камень, на крепость культур.
Крива, коса, стоит Казань.
Шумит бурун: «Шурум...бурум...»
Вчерашний день убит и низмен,
Старья премного осталось,
Но сердце класса горит в коммунизме,
И класса грудь не разбить о старость
[21, с. 161].

Владимир Маяковский весьма талантливо ввел коммунистический интернациональный дискурс в вековую оппозицию

русского центра и национальных имперских окраин и положил начало созданию образа единого советского народа. Казань стала знаковой площадкой для реализации данного проекта:

Помните раньше дела провинций? –
Играть в преферанс, прозябать и травиться.
Но нам ли столицей одной утолиться?!
Пиджак Москвы для Союза узок.
И вижу я – за столицей столица
Растет из безмерной силы Союза.
А здесь, где афиши щипала коза,
– «Исполнят такие-то арии»... –
Сказанием встает Казань,
Столица Красной Татарии.
Москве взгрустнулось. Старушка, што ты?!
Смотри и радуйся, простолнца:
Вылупливаются, во все Советские Штаты,
Новорожденные столицы! [22, с. 13]

Поэт Евгений Евтушенко, формально используя красную риторику и следуя традициям В. Маяковского, фактически подрывал устои коммунистической идеологии, проводя параллели между царским самодержавием и советским режимом. Именно он, наряду с Б. Пастернаком и А. Тарковским, стал создателем мифа о татарском городе Елабуге, превратив М. Цветаеву в жертву коммунистического режима. Благодаря ему, а также А. Вознесенскому и Б. Ахмадуллиной елабужский гвоздь в комнате Цветаевой стал местом паломничества советской интеллигенции [23, с. 10] Внес он свой вклад и в создание казанских мифологем в поэме «Казанский университет». И делал это очень убедительно и талантливо, о чем свидетельствуют грандиозные овации в актовом зале КГУ, когда он лично читал свою поэму. Он представил Казань в образе доброй девушки в берете – наследнице революционной боевой организации:

Народоволка с чистым детским лбом,
С косой жгутом, с осанкой благородной, –
Не дочь циничной бомбы водородной,
А дочь наивных террористских бомб.
Провинция, ты тем и хороша,
Что сохраняешь от распада личность,

Москва и Петербург, вы не превысите
Свои заслуги слишком... Вам хвала,
Но сколько провидцы из провинций
Отечеству расправили крыла!
...Апрель в Казани. Ледоход на Волге.
Жизнь продолжает вечную игру,
И девочка с лицом народоволки
Прощается со мною на углу [24, с. 92].

Разумеется, мифология Казани будет неполной, если не изучить образ города в произведениях татарских писателей. Но это предмет специального исследования и выходит за пределы данной статьи. Можем лишь отметить, что образ города Казани мы встречаем в произведениях Г. Тукая, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова, Х. Такташа, К. Наджми, М. Джалиля, А. Кутуя, Ф. Карима, А. Абсаямова, А. Еники, А. Ерикеева, А. Исхака, Н. Даули. С. Баттала, А. Расиха. С. Хакима, Э. Давыдова, М. Садри, Д. Тарджеманова, З. Нури, Ш. Галиева, Р. Кутуя, Г. Ахунова, М. Зарипова, Ф. Яхина. Крушение советской империи и, соответственно, ее символических структур в культуре, литературе и общественном сознании породило поиск новых национальных мифологем. Одновременно в билингвальной среде национальных периферий России был запущен процесс ревизии этностереотипов и транскультурное конструирование новых мифологем, вплоть до неоязычества, как в творчестве И. Абузярова и Г. Яхиной. Казанские писатели также включились в этот процесс в качестве иноэтнокультурных переводчиков. В произведениях, к примеру, А. Хаирова и Р. Беккина происходит «диффузия культурных идентичностей, рассеивание символических значений одной культуры в поле других культур» [3, с. 98].

Подводя итог нашему краткому историко-литературному обзору, можно утверждать, что существует канонический ряд казанских мифологем: фольклорные (зооморфные существа – дракон, зилант, грифон или крылатый барс), исторические (архитектурные – башня Сююмбике; ландшафтные – озеро Кабан, Зилантова гора; героические – казанская царица Сююмбика), геополитические (евразийская столица; сакральная часть Российской

империи; толерантность), ориенталистские мифологемы русской литературы XVIII–XX вв. (верхний и нижний город), советская мифология об избранности и особом столичном статусе города, мифология новейшего времени, состоящая из аллюзий и реминисценций разных культур (например, каламбурная этимология татарских топонимов). Составление словаря казанских мифологем имеет целью выявление их иерархии и вычисление ее семантического ядра, вокруг которого структурируется весь корпус городских мифов Казани.

Исследователь Петербургского текста В. Топоров исходил из того, что городской текст – это сверхтекст, порожденный тополо-

гическими структурами. Он сумел доказать существование его семантического ядра – аллегории о демиурге – создателе города в виде оживающей статуи медного всадника. На основе этой методологии Э. Ш. Галимова обосновала признаки северного текста русской литературы как локального сверхтекста. По ее мнению, «город – это культурная семиосфера, некий сакральный топос, на который накладывается сетка символично-мифологических представлений» [8, с. 9]. Именно этот научно-методологический подход позволит в дальнейшем на основе анализа казанской мифопоэтики выявить основные признаки и составляющие казанского текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потанина Н. Л., Гололобов М. А. Городской текст как теоретическая проблема // Филологическая регионалистика. 2012. С. 32–37.
2. Казань в художественной литературе: [сб.] / сост. В. В. Аристов [и др.]; предисл. Г. Ахунова; худож. Н. У. Альмеев. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. 213 с.
3. Шафранская Э. Ф. Мифология Казани в прозе Аделя Хаирова // Вестн. Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 95–103.
4. Эпштейн М. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 336 с.
5. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 960 с.
6. Саид Э. В. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2012. 736 с.
7. Зайнуллина Г. И. Программирующая мощь казанского текста (Символические реалии Казани в прозе В. Попова, А. Сахибзадинова, А. Хаирова, Д. Осокина и Р. Беккина) // Нева. 2019. № 3. С. 208–219.
8. Галимова Е. Ш. К вопросу о методологии исследования локальных (городских и региональных) литературных сверхтекстов (на примере Северного текста русской литературы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX веков / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: Флинта: Наука, 2015. С. 365–380. (Сер. Вып. VI: Универсалии культуры).
9. Бушканец Л. Е. Казанский текст в русской литературе. 2018 г.: программа дисциплины. Регистрационный № 902229818 // Электронный университет, информационно-аналитическая система КФУ. URL: <https://kpfu.ru/pdf/portal/oop/135239.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).
10. Люсьи А. П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
11. Казань: альбом. М.: Планета, 1977. 138 с.
12. Герцен А. И. Письмо из провинции. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/pismo-iz-provincii.htm> (дата обращения: 30.05.2020).
13. Державин Г. Р. Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1958. 562 с.
14. Чокрый М. Г. Ода Родине / пер. с болгарского яз. Р. Кадыра Аль Булгари. URL: <http://www.bulgarile.narod.ru/> (дата обращения: 20.04.2020).

15. *Ибрагимов М. И.* Национальная идентичность и теория автора (на примере книги стихов Г. Тукая «Пища души») // Вестн. удмуртского ун-та. 2013. Вып. 4. С. 142–146.
16. *Хабутдинова М. М.* Топос Казани в творчестве Аяза Гилязова // Филология и культура. 2012. № 1 (27). С. 136–141.
17. *Герцен А. И.* Собрание сочинений в 30 т. Т. 1: Произведения 1829–1841 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
18. *Сабиров Р. Р., Небольсина М. В.* Когда вернусь в казанские снега... Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 448 с.
19. *Аmineва В. Р.* Транскультурная литература: вопросы теории и методологии изучения // Национальные литературы на современном этапе: научные концепты и гипотезы: круглый стол, посвящ. 80-летию создания института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (11.09.2019, Казань): сб.ст. Вып. 1 / сост.: А. Ф. Ганиева, Ф. Х. Миннулина, Л. Р. Надыршина. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 616.
20. *Небольсина М. В.* Творческая индивидуальность Рустема Кутуя: проблемы эволюции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 22 с.
21. *Маяковский В. В.* Казань («Стара, коса...») // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 9. [Стихотворения 1928 года, очерк «Рожденные столицы»] / ред. В. Дувакин. С. 161–163.
22. *Маяковский В. В.* Три тысячи и три сестры («Помните раньше дела провинций?..») // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 9. [Стихотворения 1928 года, очерк «Рожденные столицы»] / ред. В. Дувакин, 1958. С. 13–15.
23. *Зайнуллина Г. И.* Елабуга в провинциальном тексте русской культуры // Творческое наследие Д. И. Стахеева: текст и контекст: междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф. Казань, 28 февраля 2020. С. 10.
24. *Евтушенко Е.* Казанский университет. Казань: Татар. кн. изд-во, 1971. 92 с.

REFERENCES

1. Potanina N. L., Gololobov M. A. Gorodskoy tekst kak teoreticheskaya problema. *Filologicheskaya regionalistika*. 2012, pp. 32–37.
2. Aristov V. V. et al. (comps.) *Kazan v khudozhestvennoy literature*. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 1977. 213 p.
3. Shafranskaya E. F. Mifologiya Kazani v proze Adelya Khairova. *Vestn. Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo un-ta. Ser.: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. 2014, No. 1, pp. 95–103.
4. Epshteyn M. *Filosofiya vozmozhnogo*. St. Petersburg: Aleteyya, 2001. 336 p.
5. Etkind A., Uffelmann D., Kukulin I. (eds.) *Tam, vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kulturnoy istorii Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 960 p.
6. Said E. V. *Kultura i imperialism*. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2012. 736 p.
7. Zaynullina G. I. Programmiruyushchaya moshch kazanskogo teksta (Simvolicheskie realii Kazani v proze V. Popova, A. Sakhizadinova, A. Khairova, D. Osokina i R. Bekkina). *Neva*. 2019, No. 3, pp. 208–219.
8. Galimova E. Sh. K voprosu o metodologii issledovaniya lokalnykh (gorodskikh i regionalnykh) literaturnykh sverkhstekstov (na primere Severnogo teksta russkoy literatury). In: Kovtun N. V. (ed.) *Sibirskaya identichnost v zerkale literaturnogo teksta: tropy, topoty, zhanrovye formy XIX–XX vekov*. Moscow: Flinta: Nauka, 2015. Pp. 365–380. (Ser. Vyp. VI: Universalii kultury).
9. Bushkanets L. E. Kazanskiy tekst v russkoy literature. 2018 g.: programma distsipliny. Registratsionnyy No. 902229818. Available at: <https://kpfu.ru/pdf/portal/oop/135239.pdf> (accessed: 20.04.2020).

10. Lyusy A. P. *Krymskiy tekst v russkoy literature*. St. Petersburg: Aleteya, 2003. 314 p.
11. Kazan: albom. Moscow: Planeta, 1977. 138 p.
12. Gertsen A. I. Pismo iz provintsii. Available at: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/pismo-iz-provincii.htm> (accessed: 30.05.2020).
13. Derzhavin G. R. *Stikhotvoreniya*. Moscow: GIKhL, 1958. 562 p.
14. Chokryy M. G. Oda Rodine. Transl. from Bulgar by R. Kadyr Al Bulgari. Available at: <http://www.bulgarile.narod.ru/> (accessed: 20.04.2020).
15. Ibragimov M. I. Natsionalnaya identichnost i teoriya avtora (na primere knigi stikhov G. Tukaya "Pishcha dushi"). *Vestn. udmurtskogo un-ta*. 2013, Iss. 4, pp. 142–146.
16. Khabutdinova M. M. Topos Kazani v tvorchestve Ayaza Gilyazova. *Filologiya i kultura*. 2012, No. 1 (27), pp. 136–141.
17. Gertsen A. I. *Sobranie sochineniy in 30 vols. Vol. 1: Proizvedeniya 1829–1841 gg.* Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1954.
18. Sabirov R. R., Nebolsina M. V. *Kogda vernus v kazanskie snega...* Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 2014. 448 p.
19. Amineva V. R. Transkulturnaya literatura: voprosy teorii i metodologii izucheniya. In: Ganieva A. F., Minulina F. Kh., Nadyrshina L. R. (comps.) *Natsionalnye literatury na sovremennom etape: nauchnye kontsepty i gipotezy: kruglyy stol, posvyashch. 80-letiyu sozdaniya instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan (11.09.2019, Kazan)*. Iss. 1. Kazan: IYaLI, 2019. P. 616.
20. Nebolsina M. V. Tvorcheskaya individualnost Rustema Kutuya: problemy evolyutsii. *Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Kazan, 2012. 22 p.
21. Mayakovskiy V. V. Kazan ("Stara, kosa..."). In: Mayakovskiy V. V. *Polnoe sobranie sochineniy. In 13 vols.* Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1955–1961. Vol. 9. [Stikhotvoreniya 1928 goda, ocherk "Rozhdennye stolitsy"]. Pp. 161–163.
22. Mayakovskiy V. V. Tri tysyachi i tri sestry ("Pomnite ranshe dela provintsii?.."). In: Mayakovskiy V. V. *Polnoe sobranie sochineniy. In 13 vols.* Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1955–1961. Vol. 9. [Stikhotvoreniya 1928 goda, ocherk "Rozhdennye stolitsy"]. Pp. 13–15.
23. Zaynullina G. I. Elabuga v provintsialnom tekste russkoy kultury. In: Tvorcheskoe nasledie D. I. Stakheeva: tekst i kontekst. *Proceedings of International interdisciplinary scientific-practical conference*. Kazan, 28.02.2020. P. 10.
24. Evtushenko E. *Kazanskiy universitet*. Kazan: Tatar. kn. izd-vo, 1971. 92 p.

Валиуллина Регина Равилевна, старший преподаватель кафедры русского языка и языкознания, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП); аспирант отдела литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

e-mail: kamaliev@list.ru

Valiullina Regina R. Senior Lecturer, Russian language and Linguistics Department, V. G. Timiryasov Kazan Innovation University; post-graduate student, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Science

e-mail: kamaliev@list.ru

Статья поступила в редакцию 04.08.2020

The article was received on 04.08.2020